

Александр Гордеев

**ПРОСТЫЕ
ИСТИНЫ**

ОДОБРЕНО

Союзом читателей России

Александр Гордеев

Простые истины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9998743

Аннотация

Простые истины – это увлекательные, интересные, а порой неожиданные и мгновенные рассуждения писателя Александра Гордеева о событиях жизни, облечённые в краткие формы. Последняя часть книги – занимательные сцены деревенского быта – дань памяти детства, близким и родственному селу.

Простые истины

Философские мотивы

Угольки

Господь Бог завтракал на открытой веранде, когда ему сообщили о том, что произошло на

Земле за прошедшие сутки: сколько человек умерло, сколько покончило самоубийством, сколько

погибло в авариях и катастрофах. Привычно, досадливо покивав головой, Господь протянул

ладони ковшичком к докладывающему ангелу, и тот высыпал ему пригоршню горячих уголь-

талантов, возвращённых с Земли. Сегодня среди них попадались и крупные ярко-красные угольки,

были и небольшие, едва мерцающие в прозрачном воздухе. Какой-то из них славно послужил

людям, какой-то оказался для избранника не более чем неудобство. Вчера их было примерно

столько же. Пересчитывать угольки не имело смысла: достаточно и того, что Господь знал точное

общее и неизменное число талантов, полагающихся Человечеству. Это на Земле наивно думали,

что чем шире круг людей, тем больше становится талантов. Увы, увы – на небесах всё посчитано.

Господь поднялся с кресла. Сойдя по ступенькам веранды, он надел мягкие, как пух, шлёпанцы

и направился по аллее сада, усыпанной звёздной крош-

кой. Угли жгли руки, и он продолжал
пересыпать их с ладони на ладонь. Около золочёных ворот
Господь чуть задержался, цепляя
пальцем крючок задвижки. Выйдя за ворота, он поднялся
на невысокое облако и глянул вниз на
бушующее людское многоголосое море. Господь ещё раз
взглянул на угли, собрал их все в правую
руку и широким жестом сеяльщика вдохновенно швырнул
вниз. Похлопав ладошками так, чтобы
вернуть людям и мельчайшую пыль талантов, он поспешил
к прерванному завтраку.

Рассвет ещё только начинался, и над головой в бесконечном
небе гасли бледные звёзды. На
ароматных цветах, на листьях зеленеющих яблонь блестели
капельки росы. У Господа это было
любимое время для размышлений.

Да, когда-нибудь угольки, посеянные сегодня, снова вернутся
на облако. Вернутся для того,
чтобы опять-таки быть посеянными. Вернутся-то, конечно,
все – это Господь уже знал. Однако
одного не знал даже он – смогут ли люди полностью использовать
силу сегодняшнего посева?

Диктант

И сказал Господь, обращаясь к людскому морю внизу:
– Слушайте меня все и запишите, что я скажу.

Продиктовав несколько строк, спросил:

– Кто же услышал меня, понял, записал?

Некоторое время море людское оставалось неподвижным.

Наконец, поднялась одна робкая
рука.

– Как имя твоё? – спросил Господь.

– Александр.

– Опять Александр, – пробурчал Господь. – А фамилия?

– Пушкин, Боже, Пушкин моя фамилия...

– А ещё кто-нибудь есть?

Но море осталось спокойным.

– Что ж, Пушкин, так Пушкин, – заключил Господь. –

Знать, один ты таков. Да будет так навеки,
аминь!

Безалаберность

Прежде чем жизнь обрела нынешнюю форму, Господь испытал самые разные её варианты. В

одном из них он разрешил бессмертие одного человека за счёт жизни другого. То есть, один мог

запросто убить другого, забрав все годы его жизни. И что же? Дело не дошло даже до выводов. Эта

цивилизация спокойно сошла на нет. И Господу стало очевидно, что лишь прочность жизни одного

человека делает надёжным существование жизни всех людей. То есть, в те моменты истории,

когда жизнь человеческая обесценивается, мир зависит на волоске.

Господь-то это понимает, да нас, неразумных, никак не вразумит. Сидим мы у телевизора, всё более и более равнодушно глядя на смерти и убийства, происходящие как бы между прочим, и никакой тревоги ни за себя, ни за детей, ни за будущее не испытываем...

Потом...

И был другой эксперимент. Однажды, сжалившись над одним человеком, который всё откладывал на потом, Господь выписал ему ещё одну, запасную, жизнь, чтобы он хоть что-то да успел. И тогда счастливчик с ещё большей беспечностью взялся перемещать всё из настоящей жизни в Потом. Очень скоро его реальная жизнь потеряла смысл, как квартира, из которой вынесли мебель...

Понятно, что этот эксперимент был расценен Господом как неудачный, но суть остается та же: не обесмысливай настоящую жизнь отсылкой своих дел в Потом.

Признайся себе, что, оставляя дело на Потом, ты просто выбрасываешь его из жизни. Делая вид, что когда-нибудь займешься им, ты лишь обманно хоронишь его.

Загубленная жизнь

И сказал Господь:

– Человек, проживи жизнь безгрешно и будет тебе даровано бессмертие.

Прошло сто лет, и этого подарка никто не заслужил. Но на сто первом году один соискатель явился.

– Итак, – обрадованно и торопливо провозгласил Господь, – дарую тебе бессмертие!

– Но как я должен жить в этом дарованном бессмертии? – спросил человек. – Так же, как я жил, заслуживая его?

– Разумеется, – отвечал Господь, – иначе ты тут же потеряешь право на него!

– В таком случае, – сказал этот единственный, – я просто загубил свою жизнь. Зачем мне

бессмертие, если все свои годы я жил надеждами наверстать в нём своё воздержание?

Горько стало Господу. Вторую жизнь, как и обещано, он этому человеку дал, но больше таких

подарков никому не обещал. Потому что бесполезно.

Великая печаль

Человек сидел и тихо плакал. Он видел внизу горы, леса, тени облаков, скользящие по земле.

Видел голубые озёра, видел города, в которых двигались люди и автомобили. Вообще-то он уже не

должен был видеть всего этого, но на небесах произошла какая-то заминка, и его попросили

подождать на скамейке перед воротами в никуда. Из ворот тянуло леденящим сквозняком. Человек последний раз смотрел на мир, который покинул, и плакал. С великой печалью и жалостью к этому уже далёкому миру, он думал: «И я там жил...».

Большой Взрыв

Утверждается, что всё началось с Большого Взрыва, после которого возникли планеты,

галактики, Солнечная система, Земля, люди. Как прекрасно всё это, возникшее от Большого

Взрыва! Но каким же прекрасным было тогда то взорвавшееся Великое Ничто, лишь осколками

которого мы являемся?! И почему оно взорвалось, если было прекрасным?

Доказательство пришествия

Почему я летаю во сне? Более того, во сне я знаю способ полёта, как будто эта «технология»

открывается сразу за ширмой сна, но её невозможно вытащить в явь. Впрочем, существование

схожей «технологии» полёта во сне подтверждают и другие мои знакомые. Откуда это общее

мистическое знание? Уж не от того ли, что наши предки знали невесомость, передав нам это

ощущение в генах? Ведь полёты во сне так похожи на парение космонавтов в невесомости.

Искусство бессмертия

Если «влюбленные часов не замечают», то, очевидно, и часы не замечают их. Находясь внутри своей любви, как на борту корабля, несущегося со скоростью света, люди медленнее стареют. И, вероятно, искусство постоянной любви – есть искусство быть бессмертным.

Выбор

На Планету прилетела комиссия во главе с Верховным Инквизитором Вселенной, объявленным поборником высшей, но жёсткой космической нравственности.

– Вы погрязли в грехах, и мы должны уничтожить вашу планету, – было заявлено жителям. –

Это не очень приятная миссия для нас, и мы даём вам последний шанс. Спасти вас может лишь решение выбора, который мы предлагаем. Представьте нам список десяти тысяч самых худших, самых грешных из вас, и мы уничтожим только их.

На Планете начались панические дебаты. Много было разных мнений. Кто-то из самых разумных говорил:

– Выбрать самых худших нельзя. Ведь сделав это, мы поделимся на касты. И после первой касты худших, станет худшей вторая.

Но страх оказался сильнее, и список обречённых был представлен.

– Что ж, – даже не глядя в него, подвёл итог Великий Инквизитор, – я очень сожалею. Наши

предположения о вашем разложении подтверждены. Цивилизация, способная на такой выбор, греховна и недостойна жизни...

Государство чистоты

Нигде больше мораль не блюлась так тщательно, как в этом государстве. Мужчина, выбирая

себе жену, не допускал, чтобы в ней была даже тень греха. Такими же были и женщины. И потому в

государстве существовал медицинский обряд очищения, когда из памяти новобрачных изгонялось

всё неприемлемое ими. Глядя вот так на какого-нибудь мужчину, лежащего на операционном

столе, консилиум спецов, зная количество его грехов, размышлял о том, кого же из женщин

оставить ему в памяти, судьбе и опыте.

– Может быть, оставим одну, самую первую? – предлагал один спец.

– Одной мало, – возражал другой, более лояльный специалист. – Ему ведь уже за тридцать. Его

будущая жена просто не поверит в это. Зачем создавать это межличностное напряжение? Давайте

оставим хотя бы трёх–четырёх...

Примерно так и высчитывали всякий раз. И молодые жили потом, как лапушки, душа в душу.

Говорили друг другу только «мусик» и «пусик» и боли друг другу никогда не причиняли. Хорошее было государство. Государством Дураков называлось.

Общий город

Встретились у ручья на длинной пыльной дороге святой и грешник. Святой пробивался из

города Святых в город Грешников, потому что устал от нудной и чопорной жизни своего города.

Грешник шёл в город Святых, потому что уже испытал все грехи, какие есть и пресытился. Уселись

они в тенёчке, заговорили о своих желаниях. Святой жаждал греха, грешнику мечталось о святости.

– А ведь в моём городе тебя забьют камнями, – сочувствующе сказал святой.

– А в моём тебя сделают посмешищем и козлом отпущения, – ответил грешник.

И тогда они остались на месте, предостерегая всех идущих из города в город. Новый город на

месте этой встречи стал расти, как на дрожжах. С той-то поры и живут вместе святые и грешники.

Живут, ругаются, обвиняют друг друга, бывают и камни летят, а расстаться не могут, хотя расставанию ничто не мешает.

Правильный мир

– Все знают, что свет от Солнца. А от чего темнота?

– То есть, как от чего?

– Ну, вот смотри: солнце светит светом, а что темнит темнотой? Что рождает темноту?

– Ничто. Темнота изначальна, а солнечный свет рассеивает её.

– А возможен ли такой обратный мир, где постоянен свет, а что-то, например, какой-то сгусток темноты, излучает темноту?

– Такое невозможно.

– Почему?

– Темноте не дано побеждать свет. Лишь свет побеждает темноту.

– Как это верно! Значит, мы живём в правильном мире; значит, неправильный мир не возможен

в принципе; значит, если в этом правильном мире у нас что-то не выходит, то виноваты в этом только мы.

Самостоятельность

Один путник встретил на дороге унылого человека в каком-то сером одеянии.

– Что случилось с тобой? – спросил он его.

– Горе мне, – ответил человек. – Я ходил за самостоятельностью, но мне её не дали... Знать бы

вот только – почему? Может быть, самостоятельность слишком дорого стоит?

– Она не стоит ничего, – ответил путник.

– Но почему же мне её не дали?

– Потому что у них её нет. Подумай: откуда даже у какой-то высокой комиссии может оказаться

твоя самостоятельность?

– Но у кого же она тогда? – растерянно спросил человек.

– Видимо, ни у кого, – усмехнувшись, ответил путник и отправился дальше.

Смысл

– Меня питает вера, – сказал вперёдсмотрящий, – пусть следуют за мной те, кто верит в Путь.

И за ним пошли. Потерявшие веру в трудном пути – погибли, верившие до конца – выжили.

Но может быть и так:

– Меня питает вера, – сказал вперёдсмотрящий, – пусть следуют за мной те, кто верит в Путь.

За ним пошли, но вера оказалась ложной. И тот, кто отстал, тот спасся, кто верил до конца – погиб.

Так что же выбрать, если Путь неизвестен? Веру! Лишь она даёт смысл и жизни, и смерти.

Ребёнок

Ребёнка принесли домой, развернули пелёнки. Подошли соседи, им надо было что-то сказать.

Но что скажешь?

– Худенький, – сказал кто-то.

– Здоров ли? – побеспокоился другой.

– Ну кто скажет, что из него вырастет большой человек...

– философски заметил кто-то третий.

И много ещё было сказано всего. Но подошёл отец, улыбнулся и сказал:

– Сын!

Подошёл другой мужчина с густой сединой в волосах.

– Внук! – сказал он.

Соседи потупились и виновато отступили.

Взгляни на свой хвост

В одной сказке осёл до тех пор не знал, что он осёл, пока не увидел свои хвост и уши. Бывает,

что проблемы твои не разрешаются до момента, пока ты не узнаешь, кто ты есть. Жить без

понимания, что у тебя есть хвост, всё равно, что жить с закрытыми глазами. Лучше знать, что ты

осёл, чем чувствовать, что ты никто.

Упрямый всегда прав

– В этой комнате кошка, – сказал упрямый.

– Её там нет, – возразили ему.

Упрямый решил доказать и вошёл в комнату. Кошки не было.

– Она в шкафу, – сказал он.

Кошки не было и в шкафу. Её вообще не было нигде.

– Если её нет, значит, она здесь только что была, – сказал он.

– Куда же она исчезла?

– Её кто-то выпустил.

– Но дверь была на замке, а ключ у тебя в кармане.

– Значит, её похитили в окно.

– Однако какой похититель поднимется за кошкой на десятый этаж?

– Значит, её кто-то съел.

– Но здесь никого не было, кроме твоей несчастной кошки.

– Значит, кошка съела себя сама.

– Ну, разве что так...

– Вот.! Значит, я всё-таки прав...

Слишком мудрый мудрец

Однажды мудреца спросили:

– Почему вы никогда не говорите прямо? Там, где можно ответить просто, вы всегда отвечаете

притчами. Весной мы спросили у вас о времени посева риса – вы рассказали нам очень мудрую

притчу, которую мы разгадывали несколько дней, упустили время, и осенью нам пришлось

голодать. В другой раз, когда нужно было спасти человека, мы снова услышали притчу. О! Это

была мудрая притча! Но пока мы думали над её смыслом, человек погиб.

– Но если я заговорю просто, то станете ли вы считать меня мудрецом? – спросил мудрец.

– Нет, – признались люди, – просто и прямо говорят мно-

гие.

– А не считая меня мудрецом, разве станете вы слушать мои советы?

Люди совершенно запутались и ушли, не понимая, кто же виноват в этих случаях: мудрец или

они сами, не умеющие внимать простому?

Счётчики

Работаешь за компьютером в интернетовской сети и постоянно посматриваешь на счётчик:

сколько денежек там остаётся?

Едешь на автомобиле и постоянно косишь глазом на прибор: сколько осталось бензина?

Живёшь и заглядываешь в кошелёк: что показывает этот счётчик?

Если бы мы видели счётчик своей жизни, то мы, наверное, не смогли бы жить.

Наши текущие проблемы

Что угрожает Человечеству? Проблемы, связанные с парниковым эффектом, с загрязнением

окружающей среды, с угрозой самоуничтожения ядерным оружием и прочие. На их преодоление

тратится масса энергии и средств.

27 декабря 2004 года Землю накрыло мощным космическим излучением. Специалисты это

зафиксировали, остальные люди – не заметили. Спустя два месяца, уже в 2005 году, учёные

сообщили, что декабрьские неприятности были связаны с взрывом нейтронной звезды в созвездии

Стрельца, выбросившим за одну десятую секунды энергию равную энергии Солнца за 250 тысяч

лет его свечения. Взрыв этот произошёл на расстоянии пятидесяти тысяч световых лет. Случись он

поближе, и Земля осталась бы без озонового слоя. Наша цивилизация была бы просто сметена,

сдунута космическим цунами. Человечество просто отключилось бы, не успев ничего осознать. И

это не сказка. Это реально! Но нам, как говорится, повезло. Так что мы можем и дальше спокойно

искать решения проблем парникового эффекта, ядерного оружия и прочих, так насущных для нашего существования.

Эти угрозы для нас куда страшнее, потому что мы порождаем их сами. Но зачем бояться того,

что от нас не зависит?

Созревание

На Земле круговорот воды, продуктов, воздуха и прочего. Но всё остаётся в одном количестве.

А разум? Отчего в замкнутом пространстве Земли прибавляется он? Очевидно, увеличение

разумности Земли – это её созревание, похожее на созревание яблока. Наверное, пока что это

яблоко – зелёное и кислое.

Фраза, которую не скоро продолжат

Мы говорим: «Человек упрям – когда-то он пытался взлететь на крыльях, а теперь уходит в космос». Когда-нибудь скажут: «Человек упрям – когда-то он уходил в космос, а теперь...». Как же будет продолжена эта фраза?

А нам всегда чего-то не хватает...

Стою у окна, смотрю на зелёные улицы, на зелёные сопки, на чистые ватные облака, дышу

воздухом после дождя и вспоминаю, что зимой вот так же стоял здесь у окна с морозными узорами,

пытаясь представить лето. С каким волнением думал я тогда о нём! Думал, как о самом

счастливом, сказочном времени года. А теперь оно даже как-то привычно – уже июль начинается,

как никак. Смотрю и вдруг ловлю себя на странном желании чего-то ещё большего: мол, а не будет

ли ещё какого-то более счастливого, чем лето, пятого времени года? Не будет ли всё это ещё

красочней, воздушней и чище, чем теперь? Ловлю себя на этой нелепице и вздыхаю: нет, к

сожалению, не будет. Но моё сожаление при этом такое искреннее...

Такая странная жизнь

Прошлое всегда кажется лучше настоящего. Но настоя-

щее всегда кажется дороже прошлого.

Чужое всегда кажется лучше своего. Но справедливо и то, что своё всегда кажется ценнее чужого.

Ну и ну... Какое из этих взаимоисключающих утверждений неверное?

Солнечная радость

Едешь осенью по трассе, смотришь на золотую листву берёз, тополей, осин и думаешь: как

возможно сравнивать осень с осенью жизни, то есть со старостью?! О какой грусти можно говорить

при такой-то красоте? Жёлтые деревья не унылы, а торжественны. Их жёлтый наряд ничуть не

хуже зелёного. Кто знает, может быть, деревья для того и зеленеют всё лето, для того и создают

свою пышную листву, чтобы осенью и нас порадовать и самим покрасоваться своей солнечной желтизной.

Почти японское рассуждение

Перед снегом пахнет зимой, а это значит, пахнет Новым Годом, за которым придёт весна.

Весна, за которой будет лето. Лето, за которым придёт осень, когда я снова буду стоять у

окна и думать о том, что пахнет снегом и зимой. Но даже и в эту будущую осень я снова не

буду понимать, куда постоянно и непрерывно утекает моя жизнь...

Свет детства

Сказка про быка

В детстве, когда я просил дядю Витю, младшего маминого брата, рассказать сказку, он никогда не отказывался.

– Хорошо, – говорил он, – слушай сказку про быка.

Конечно, я уже знал её. Но другой-то у дяди Вити не было.

Я соглашался и на эту, надеясь, что,

может быть, в этот раз она будет куда интересней.

– Жил-был бык, – говорил дядя Витя и замолкал.

– Ну!?! – напоминал я ему.

– Однажды он пошёл на луг, – продолжал дядя Витя и снова замолкал.

– Ну!?! – как всегда, не терпелось мне.

– До луга далеко, он ещё идёт, – сообщал дядя Витя.

Я начинал терпеливо ждать. Но терпения у меня было немного.

– Ну!?!

– Нет, нет, не торопи. Далеко же, он ещё не пришёл.

И так эта «сказка» могла тянуться весь день. Ожидая её продолжения, я мог убежать куда-то

поиграть, а потом снова напомнить:

– Ну!?!

– Что ну? Бык ест траву, – сообщал дядя Витя в очередной раз, – бык-то большой

трёхгодовалый, знаешь, сколько травы ему надо?

В общем, бык, таким образом, уходил на луг, щипал там траву, потом шёл к речке и минут

десять пил воду, потом в зависимости от своего настроения, а также от настроения дяди Вити, мог пободаться с другим быком.

Я, занимаясь своими делами в перерывах этой истории, весь день помнил про быка, постоянно предполагая, что же делает он в это время.

Наконец, вечером бык, благополучно, как всегда, возвращался домой, заходил в стайку и ложился спать.

Засыпал и я. Иногда ночью я просыпался, но тут же успокаивался, потому что знал: – бык в это время тоже спит. И в этом мире, где спал мой бык, всё было так спокойно, размеренно, надёжно.

Простые истины

Географию в нашей школе преподавал Михаил Иванович Филиппов, по прозвищу Бакыр. Он

был фронтовиком и в праздники носил орден Красной Звезды на лацкане пиджака.

– Простого, элементарного не знаете! – обычно упрекал он нас на уроках.

Из-за частого повторения эта фраза вошла в наш обиход. Если, например, мой друг Серёга

Морозов пожимал плечами в ответ на вопрос: – сколько сейчас времени, то я смеялся над ним:

– Простого, элементарного не знаешь!

В общем, возможностей посмеяться над этой фразой было хоть отбавляй.

Прошло уже много лет, и вот теперь я спрашиваю себя: а много ли я знаю о жизни этого

простого, элементарного? Кое-что, конечно, знаю, но не сказать, чтоб уж так много. Теперь меня

удивляет другое – как Михаил Иванович, с его-то жизненным опытом, сам не понимал того

простого и элементарного, что в детстве знать простое ой, как не легко, потому что к простому

ведёт самая длинная дорога.

Феномен простоты

Нет, Генка Котельников велосипед не изобретал. Чего его изобретать, если он уже вот – готовый

перед тобой, уже давно купленный и отремонтированный не раз. Однако улучшить его Генка был не

прочь. Рационализатору хотелось увеличить мощность своей машины дополнительным цепным

приводом на переднее колесо над тем, что эта двойная мощность потребует двойной мощности

ног, Генка пока ещё не задумался. Техническая сторона была куда интересней.

Подготовка к переоборудованию шла три дня. Надо было отыскать шестерёнку на переднее

колесо, а лучше ещё одно заднее колесо, чтобы поставить

его вперед, ещё одну центральную звёздочку, ну и саму дополнительную цепь. Наконец, всё найдено, всё лежит перед Генкой. У него от волнения даже руки дрожат.

И тут-то к нему приходит соседский парнишка Санька. Он некоторое время наблюдает за

приготовлениями старшего друга, привычно уважаемого за его неутомимые технические выдумки, а потом робко любопытствует:

– Слышь, Ген, а как ты будешь на нём поворачивать?

И всё! Генка сел и в прямом и в переносном смысле. Посидел, поскрёб затылок сквозь кепку и разозлённо швырнул на землю фигурный велосипедный ключ. Об этом он ещё тоже не подумал!

Вся идея, все мечты о езде на велосипеде, как на вездеходе, все сборы запчастей по соседям – всё коту под хвост!

Этим парнишкой, Санькой, был я. И я не засмеялся тогда над Генкой. Скорее, огорчился вместе

с ним. Вспоминая же эту историю, я до сих пор удивляюсь прочности такой категории, как

«простота». Вот говорят: «простой, как велосипед». И говорят вполне справедливо. Попробуй-ка

это простое как-нибудь ещё более упростить или чем-нибудь усложнить. Лучше оно уже не станет.

И это касается всего истинно простого, что только встре-

чается в жизни.

Коленчатый вал

В школе на уроках производственного обучения мы изучали устройство трактора. Предмет вёл местный деревенский механизатор Михаил Михайлович, которого образованные учителя немного поднатаскали в том, как вести урок и как держаться на занятиях. И вот Михалыч на очередном уроке.

– А сегодня, ребята, – сказал он, – мы будем изучать коленчатый вал. Откройте тетрадки, запишите тему: «Коленчатый вал». Записали? Пишите дальше: Коленчатый вал – это...

И тут наш Михалыч вдруг прямо-таки впился глазами в железяку, укрепленную на стенде. Он, кажется, даже присел перед ней от удивления.

– Ребята, а ведь он и вправду – ко-лен-ча-тый... – ошарашенно прошептал учитель, и каждым слогом, и одновременно обеими руками показывая коленчатость вала.

Когда-то Михаил Михайлович запомнил название этой детали чисто механически, даже не подозревая, что коленчатый вал потому и коленчатый, что ко-лен-ча-тый.

Полноценность чувств

Я вырос в селе, в котором не было телевидения, и с удо-

вольствием вспоминаю вечера, когда,

возвращаясь домой из клуба, пацаны на всю улицу обменивались впечатлениями от

просмотренного фильма. Кино, по сути, пересказывалось потом ещё не один раз. Оно словно

выходило из клуба и растекалось по селу. И сам я после кино долго сидел дома где-нибудь в

уголке, проигрывая разные ситуации, ставя себя на место главного героя, осмысливая каждый

эпизод и каждое слово фильма. Всё это и называлось «сходить в кино».

Теперь мы в кино не ходим, а банально смотрим фильмы. Причём по несколько штук за вечер.

Бывает, что у нас не хватает терпения досмотреть титры одного фильма, чтобы перескочить на

другой. А думать, вспоминать и пересказывать уже некогда. И хоть никто не станет впихивать в

свой желудок пятнадцать порций каши, но в мозги, которым тоже нужна способность переваривать,

мы пытаемся вбить максимум порций информации.

Убежден, что человеку вредно в один вечер смотреть более одного фильма. Любому

теленаркоману можно сказать: не комкай, не деформируй, не уродуй одни ощущения другими;

цени и оберегай свои чувства и переживания, ведь это то, чем живёт твоя душа.

Правильное истолкование великих

Когда-то, читая стихи классика американской литературы Уолта Уитмена, я был потрясён его

обширным, раскрепощённым взглядом на мир. Главным же мне показалось то, что Уитмен не

призывает читателя принимать его взгляды, а всем своим творчеством лишь демонстрирует одно

из возможных отношений к миру.

Вот тогда-то я и понял, что великих, с их жизнью и творчеством, нужно воспринимать как

пример, как вариант мировоззрения.

Каждый великий всем своим творчеством и судьбой говорит: пусть моя жизнь поможет в

построении твоей неповторимой жизни.

Лучшая из профессий

Самая лучшая профессия (если б такая существовала) – это заводильщик часов. Подходит

человек к часам, накручивает пружину, уходит, а часы: тик-так, тик-так... Заводильщик идёт ко

вторым часам, третьим, четвёртым... А часы тикают сами по себе.

У других людей хуже, они сами в своём деле, как шестерёнка: выпал из механизма и часы

затихли.

Хотя есть профессия и похлеще заводильщика – это профессия часовщика. Лев Толстой,

например, мастер высшего разряда. Он создал «часы» в виде мощных литературных работ; в виде опер и балетов, написанных по мотивам его произведений; в виде фильмов, снятых по его романам, рассказам, пьесам; в виде иллюстраций и картин, сделанных художниками; в виде актерских работ артистов, снявшихся в фильмах, и пьесах. Во всех пластах культуры Толстой создал такую волну, остановиться которой не дано. Его «часы» будут тикать всегда.

Минута жизни гения

Сложи мысленно всё значение Толстого и раздели его на количество минут жизни писателя, даже на те, которые он проспал. Трудно представить цену его минуты, тем более, что она постоянно растёт, ведь влияние Толстого продолжается. Для того чтобы оказать такое мощное влияние на мир, ему не нужно было возглавлять армии или государства. Всё его влияние и значение скатилось в этот мир чернилами с кончика пера.

Неисчерпаемость

Тебе нравится быть замкнутым? Ты боишься, что тебя быстро вычерпают и ты станешь не интересным? А как же писатели, художники, композиторы, жизнь и творчество которых – это сплошная исповедь? Можешь ли ты сказать, что, прочитав

всего Толстого или прослушав всего

Чайковского, ты вычерпал их так, что они стали скучными? Можно ли их прочесть или выслушать до конца?

Великие друзья

Никто из великих не собирался влезать на тот пьедестал, на который мы их возвели. Никто из них не воспринимал себя памятником. Именно поэтому великих следует воспринимать просто, как друзей.

Вдохновение

Руководитель поэтического семинара предлагает семинаристам: «Давайте поговорим о вдохновении. Выскажитесь, кто что думает». Высказывания разные. Мне понравилось, как приступ вдохновения первый раз в детстве ощутила Женя. Когда с работы вернулся её папа, она закричала: «Папа, папа, а у меня строчки сами в рифму складываются!».

Руководитель, выслушав всех, солидно и основательно, как и полагается руководителю, говорит: «Вдохновение нужно уметь вызывать». И рассказывает о том, как он вначале делает зарядку, пьёт чай, готовит рабочее место.

Я слушаю, и у меня возникает такой образ. Если вдохновение – это полёт, то вызывание

вдохновения – это подготовка к полёту. Вот человек надевает кроссовки, машет руками, массирует икры. Осматривает трамплин, с которого он должен взмыться. Вот он уже разогрет, вот он что есть силы разбегаётся, отрывается от края трамплина и... И вдруг понимает, что его прыжок не гарантирует парения. Если вдохновение ему сегодня дано (свыше, конечно, как и полагается), то он парит. Если же не дано, то – камнем вниз и лицом о жёсткую землю. Сидит, потирая лоб и колени. Раздражённо сброшенные кроссовки летят по сторонам...

Вдохновение – это когда всё легко

Вдохновение – это многократное превосходство над делом, достигаемое тщательным предварительным осмыслением его. Посмотри, как самолёт готовится к полёту. Вначале он с рёвом стоит на взлётной полосе, напитываясь движением и энергией. Кажется, что не лететь он уже просто не может – и лишь тогда тормоза отпущены! Вперёд, и всё легко – взял и взмыл!

В реке творчества

Во мне течёт удивительная река – река творчества. Приятно плыть по своему внутреннему потоку. Плыву, покачиваясь на его волнах, наслаждаясь течениями, стремнинами, задумчивыми

плёсами, живу мыслями, чувствами, волнениями.

Но вот выходит на берег жена, зовёт пить чай, взглянуть на что-то интересное по телевизору, а

то и просто для того, чтобы услышать от меня что-нибудь приятное. Есть, конечно, и другие дела,

которые могут отвлечь. А бывает, и сам выхожу из реки, соблазнившись чем-нибудь на берегу

сиюминутности. Выхожу, оглядываюсь и вижу, что река останавливается в ожидании меня.

Отвлечённый, пытаюсь потом улучшить мгновение и вернуться в неё, но мимоходом далеко не

забрёдёшь, а с краю несёт тихо. Хорошо и вольно плывётся лишь на середине.

А бывает, что течение этой реки заливают берега. Находясь в потоке, вливаюсь на кухню, пью

чай, даже смотрю телевизор (правда, уже не всё подряд), еду на машине и даже занимаюсь

делами. Приятно, когда река творчества благодатно заливают почти весь жизненный объём. Жаль

только, что долгим это не бывает. Широта реки не отменяет берегов. Всё равно выйдут и окликнут.

– Осторожней, – предупреждаю окликнувших, – ведь я сейчас в реке...

Смотрят с берега, не видя его, и вертят пальцем у виска.

Читая стихи

Читая стихи, невольно сравниваю их строчки с солдатами,

идущими строим. В совершенных

стихах солдаты-строчки чеканят шаг: там всё ровно по смыслу и по поэзии. В некоторых

стихотворных коробках солдаты идут вперевалку или вольным шагом, а в некоторых строки

откровенно разболтаны: ремни висят, подворотнички расстёгнуты. Строчки других стихов, как

неотёсанные деревянные болванки – этакий строй деревянных, ломко идущих буратин. Некоторые

стихи, как шеренги гвардейцев с блестящими пуговицами, аксельбантами и высокими фуражками

или как шеренги колхозниц в ярких сарафанах, как шеренги чопорных англичан в чёрных

котелках... В некоторых стихах строчки, ещё не научившиеся как следует ходить, сбиваясь со

счёта, подбирают ногу, пользуются какими-то короткими словами, вроде «нам», «вам», «тут» «аж».

По этому «подбору ноги» сразу видно, что идут новобранцы, а значит, и командир их тоже

новобранец. Что ж, каков автор – такова и армия его строк.

Образ: нашим и вашим

Чудо, магия, коварство и «беспринципность» образа состоят в том, что он делает истинным

любое утверждение, одинаково убедительно работая и на правду и на ложь. Сравнив семейную

ссору с тенью от солнца, можно доказать, что ссоры для брачного союза – это благо, ведь отдыхать нужно даже от солнца. Сравнив брак с глиняным горшком, а ссоры с ударами палкой по горшку, легко доказать разрушительность ссор, ведь после какого-то очередного удара горшок расколется.

Образ имеет свойство всегда выглядеть правдивым. Сказать «неправдивый образ» – всё равно, что сказать «квадратный шар». В этой-то мнимой правдивости и состоит опасность образа, как оружия, требующего умелого обращения. И Художник и Мыслитель знают, что образ может быть лишь оболочкой верной или неверной мысли, но не доказательством её истинности.

Звери в перьях

Придумать можно всё что угодно. Фантазии легко создаются простым смещением свойств различных явлений и предметов. Как будет выглядеть мир, если, например, у птиц окажутся шкуры, а у зверей перья; если птицы перестанут летать, а звери научатся; если железо станет золотом; если вся вода превратится в камень, а камень в воду?

Подобные фантазии могли бы существовать, как лёгкие развлекательные головоломки, а они всерьёз создаются на уровне книг, диссертаций, картин и фильмов, сложных наукообразных

рассуждений с пропастью специально изобретённых терминов. Всё красиво и умно, да только смысла никакого!

Реальный мир невероятно устойчив в своих параметрах. Ведь если бы, например, льду было свойственно не плавать, а опускаться вниз, то жизнь на Земле просто бы не возникла. И так с любой деталью нашего мира, существующей в том виде, в каком она существует. Всякий раз, прежде чем взяться за какое-либо учение, не мешает задуматься: а не из серии ли оно «звери в перьях»?

Литература и жизнь

Почти всем литературным шедеврам присущ минимум категорий, участвующих в драматургической реакции. Например, в повести Хемингуэя «Старик и море» таких категорий лишь две: «старик» (человек) и «море» (стихия). Но именно этот драматургический лаконизм, обеспечивая ясность всех чувств и мыслей произведения, высекает такой мощный духовный заряд.

Жизнь любого человека – это тоже произведение, которое можно превратить в лаконичный шедевр. Главное – определить основные жизненные, «реагирующие» категории, исключив всё не

главное, боковое. Исключёнными могут быть и какие-то занятия, и увлечения, и должности, и развлечения, и люди.

Очевидно, это-то и называется осмыслением жизни.

Требовательность

В творчестве всех писателей есть работы главные и второстепенные. Напечатай их

второстепенные вещи под другим именем, и это имя никогда не станет известно. Вероятно, эти

работы не стоило бы и создавать, если бы для авторов они не являлись мостками к главным

работам. Но стоит ли их издавать? Может быть, печатать нужно лишь «избранное»?

Два читателя

В поезде едут читатель и писатель. Читатель – токарь с завода, забыв все свои заботы,

отдыхает, читая книгу. Писатель смотрит на этого попутчика, на других пассажиров в вагоне, на

виды, пробегающие за окном, читая жизнь.

Жизнь – черновик

Ветеран носил свои мемуары по издательствам и всюду получал отказ. Всюду ему говорили, что

его рукопись требует доработки. Потрясённый человек никак не мог понять, какой доработки может

требовать прожитая жизнь? Ведь никакой другой жизни, кроме описанной им, у него нет. Ему было

страшно и одиноко: почему-то его жизнь оказалась ненужной никому.

Персонаж

«Калины красной»

Станция Приисквая. На вокзале странный человек. Одет как-то «неровно»: новые ботинки,

вещмешок, под телогрейкой новый костюм. Более часа перекладывает вещи из мешка в портфель

и обратно, как бы сортируя всё на прошлое и настоящее, но не ясно понимая, что к чему отнести.

Потом переодевает рубашку, ботинки меняет на туфли, несмотря на то, что на улице под сорок

градусов мороз. В портфель переложены какие-то фотографии, пачка писем, конфеты, бутылка

вина и бутылка водки. Туда же он натаскивает охапками яблоки из буфета. Он – с морщинками, с

чёрными от наколок руками. Разобравшись с вещами, ходит по всему вокзалу, осматривает углы.

Всё ясно, человек освободился – Нерчинск рядом, а там тюрьма.

Народу на вокзале немного. Недалеко от мужика две женщины и мальчик лет четырёх в чёрной

шубке. Женщины постоянно кричат мальчику, чтобы он не делал того или другого. Пацанёнок

подбегает к мужику. Тот, обрадованно присев перед ним, начинает разговаривать. Вполне

возможно, что ребёнок – это первый человек на воле, который обратил на него внимание. Потом

манит ребёнка к портфелю, к яблокам. Мать хватается пацана за руку и утаскивает. Мальчишка

плачет. Его выводят на улицу, что-то объясняют и успокаивают. Но он снова бежит к мужику и тот

выбирает ему большое яблоко. Мать снова рядом.

– Сказал «спасибо»?

– Сказал, – очень виновато отвечает мальчишка.

Мужик ходит кругами вокруг них и заговорчески кивает мальчишке в сторону, а потом

решительно просит:

– Сашка! Пошли... Пошли в буфет. Сашка...

Пацанёнок идёт за ним. Мать догоняет их.

– Да пусть погуляет с ним, – понимающе говорит кто-то из пассажиров, тоже наблюдающий за всей этой сценой.

Но мать снова вытаскивает орущего мальчишку на улицу.

– Первостатейная змея! – с огорчением говорит мужик, играя желваками на скулах, и начинает

нервно расхаживать по залу, демонстративно пересыпая звонкую мелочь в кармане.

Ах, Василий Макарович, Василий Макарович, да разве ж Вас забудешь?

Жизнь, как она есть.

Умение стричь баранов

Случилось так, что один провинциал женился на москвичке-библиотекарше. Однажды жена призналась, что в библиотеке на неё заглядывается некий научный сотрудник. Муж подробно расспросил жену о своём неожиданном сопернике. Тот был что надо: и умный, и образованный, и симпатичный, и с «Жигулём».

– Но лучше меня он быть не может, – тем не менее, равнодушно заключил муж.

– Почему? – удивилась библиотекарша, которая как раз и нуждалась в поддержке своего пошатнувшегося чувства.

– Он не умеет того, что умею я. Он, наверняка, не умеет стричь баранов. А я в один год был даже чемпионом колхоза по стрижке.

– Чемпионом?! – восхитилась она.

– Само собой, – снисходительно подтвердил муж.

После этого разговора жена стала равнодушной к проискам библиотечного казановы. Тот был огорчён сменой её настроения и, конечно же, спросил об этом.

– Дело в том, – ответила она, – что вам до моего мужа ой, как далеко...

– Правда? – изумился тот.

– Вне всяких сомнений. Вот скажите, вы умеете, хотя бы в принципе, стричь баранов?

– То есть, как? Вы это о чём?! Что за намёки?!

– Ну, а я что говорю?! Вы даже представления об этом не имеете. А мой муж, между прочим,

был однажды чемпионом колхоза по стрижке!

– Какого колхоза?

– Того, который в деревне!

Несолоно хлебавши интеллигенту оставалось лишь голову склонить перед таким недостижимым

титолом. Он как-то и не подумал, что каждый в этой жизни стрижёт своих баранов. И в этом преимущество каждого.

Детское открытие

Дочка грустно, чуть не со слезами на глазах, сказала:

– А ты знаешь, папа, что кошки видят только чёрное и белое? Наш Васька даже не знает, что он рыжий...

Чем её утешить? Мне оставалось лишь прижать дочку к себе, погладить по головке и вместе с

ней пожалеть нашего бедного Ваську.

– А вот у людей часто бывает наоборот, – сказал я. – Иной человек изображает из себя этакого

цветика-семицветика, а на самом деле совершенно сер.

Но ты такой не станешь...

Липондия

– Я не смогу сегодня выйти в сад, – сказала Лидия, печально опустив ресницы.

– Почему? – удивился её жених.

– Я заболела. У меня липондия.

– Какой ужас! – испугался он. – Это какая-то редкая и от этого, видимо, опасная болезнь!?

– Болезнь очень редкая, – подтвердил брат Лидии.. – Сестра придумала её сегодня с утра. У

неё, ведь, очень богатая фантазия... Придумала, дала название этой болезни и слегла.

– И долго она будет болеть?

– Думаю, что с неделю. Эта борьба потребует очень много сил... Ей ведь ещё нужно придумать

лекарство от своей болезни.

Цивилизация

Приехал деревенский мужик в город к родственникам.

Удивляется всему: лифт, магазины на

первых этажах, в квартире тёплые батареи, вода, ванная...

До чего ж удобно всё. За чаем хозяева

рассказали, что у них вот-вот кошка окотится.

– И куда ж котят? – спрашивает мужик.

– Топить придётся.

– А как же топить-то? – удивился гость. – Э-э, вот что у вас плохо-то. Толи дело у нас – пошёл и

бросил в речку.

– А мы в унитазе топим, – признались тогда хозяева.

Мужик задумался, представил: вот бросили в унитаз слепого котёнка, дёрнули за шнурок – и нет

животинки.

– И вправду удобней, – согласился он, – одно слово, как это там говорится, цивилизация. Такая цивилизация, что страшно, аж...

Быстрое время

Выношу мусор и вижу: в контейнере совершенно новая пишущая машинка с большой кареткой, с исправным шрифтом. А ведь ещё недавно эти шрифты специально регистрировались, чтобы кто-нибудь, не дай бог, листовку не напечатал.

Стою в недоумении: кто же мог выбросить такую ценную вещь? Ткнул пальцем в одну из кнопок – работает зараза!

Как я гонялся когда-то за пишущей машинкой?! Купил по знакомству в мастерской по ремонту этих машинок. Она была собрана из двух или трёх машинок, стёртые буквы на клавишах едва читались. Сколько я потом перевозил её с места на место в дерматиновом чемоданчике, как берёг!

Но эта машинка не чета моей. О такой-то я даже не мечтал – дорогая очень, стояла лишь в солидных конторах. Клавиши таких машинок поклёвывали только лакированные пальчики секретарш, которые без шоколадки даже говорить не хотели. И вот в мусоре... Не стоит, не лежит, а недостойно валяется, брошенная, как попало. Даже

неловко как-то за такую уважаемую вещь.

Поправить хочется, поставить прямо даже в мусорном баке.

А может быть, подобрать? Но куда и зачем? Может ли она хоть в чём-то соперничать с компью-

тером? Есть у неё хотя бы один плюс? Стою на мусорке, высчитываю этот плюс и не могу

высчитать.

Иду дальше с неостывшим недоумением: да что же это происходит-то, а?! Что же этот прогресс

так издевается-то над нами? Хотя бы позволял вещам стареть «по-человечески», а то вынуждает

выбрасывать их на свалку новыми, но уже не нужными. А что, если лет через десять вот так же, я

увиду в контейнере для мусора новенький компьютер? Конечно, сейчас это кажется невозможным.

Но раньше я и машинку не представил бы выброшенной. Вопрос в другом: если я увижу на

мусорке компьютер и пройду мимо, то что в это время будет стоять у меня на столе?

Человеческий труд

Жалко человеческий труд, утекающий на свалку...

Старуха ходила к мусорным контейнерам и стаскивала в квартиру все более или менее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.